

ВИТАЛИЙ БАБИЙ

ИСКРА
ПРАВОСУДИЯ

16+

Виталий Бабий

Искра правосудия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67981485

SelfPub; 2022

Аннотация

Октябрь, 1917 г. При национализации банка похищены ценности государства. Трое преданных России работников прокуратуры Министерства юстиции Петрограда наталкиваются на след хищения, но неожиданно сами попадают в подозреваемые. Одному из них выпадает шанс вернуть свою честь и своих товарищей, и, возможно, предупредить назревающий переворот. Но, чтобы это сделать, ему нужно отправиться в Париж, где он встречает человека, меняющего ход событий...

Содержание

Глава 1 «Дворец Шувалова»	4
Глава 2 «Беглец»	7
Глава 3 «Козни Протасова»	10
Глава 4 «Чужой среди своих»	12
Глава 5 «Допрос»	15
Глава 6 «Финляндия»	18
Глава 7 «Патриотизм или измена»	20
Глава 8 «Мы венчаны»	23
Глава 9 «Любек»	28
Глава 10 «Искра»	30
Глава 11 «Таинство бытия»	34
Глава 12 «Банк»	38
Глава 13 «Мы другие...»	41
Глава 14 «Петроград»	43
Глава 15 «Правосудие»	45
Эпилог	49

Виталий Бабий

Искра правосудия

Глава 1 «Дворец Шувалова»

Пасмурное утро... Ветер гонит по мостовым разбросанные листовки... Вооружённые люди греются возле костров у баррикад. В воздухе ещё витает дым и запах гари. Молодой матрос протянул руки к бочке, из которой низвергались языки пламени, и спросил: «Так что же теперь?». «Как что? Власть теперь в наших руках. Зимний дворец взят», – сурово, с ухмылкой ответил «видавший виды» солдат...

В это же время во Дворце Шувалова, в кабинете генерального прокурора Министерства юстиции Петрограда, работал с документами Волконский Владимир Николаевич. Это был мужчина средних лет, с ухоженной, старательно подстриженной бородой и зачёсанными волнистыми волосами. Умудрённый опытом, вызывающий в былые времена уважение самого государя, знал управленческий процесс обстоятельно и был обеспокоен происходящими событиями. В дверь раздался стук... «Владимир Николаевич!» – прозвучал уверенно голос. «Входите», – Волконский оторвался от документов и взглянул на дверь. В кабинет вошли два сотрудника прокурорского надзора.

Один из них Оболенский Дмитрий Иванович, обер-прокурор при кассационном департаменте города Петрограда. Это был средних лет человек, приятной внешности, мужчина с русыми аккуратно уложенными волосами, плотного телосложения, волевым характером, выправкой человека военного, порядочный и честный. Он проявлял требовательность прежде всего к себе, подавая пример коллегам. Вторым же был Голицын Александр Яковлевич, прокурор судебной палаты при окружном суде, прослыл человеком добропорядочным, организованным, доведившим все дела до логического конца, «честь мундира» ставил на первое место. Внешне он был незаурядным, всегда гладко выбритым и с короткой стрижкой.

«Проходите, господа, присаживайтесь, – Волконский указал на стулья, обратив при этом свой взор на книгу в руках Дмитрия Ивановича, – что Вас привело, в чём собственно дело?». Оболенский открывает книгу: «Прошу Вас обратить внимание на эти документы». «Известный Вам Протасов из Совнаркома уличён нами в контрреволюционных действиях, – продолжил Голицын, – при национализации банка, похитил часть ценностей и перевёл их в один из французских банков».

«Эти документы тому подтверждение», – Оболенский пристально взглянул на Голицына, вытащил документы из книги и протянул Волконскому. «Это серьёзное обвинение, необходимо доложить в СНК, товарищу Лаврентьеву, более

того, для полного доказательства нужно заверить документы в банке», – сказал Волконский, рассматривая счета.

«Разумеется, – парировал Оболенский, – я отправлюсь вместе с Александром Яковлевичем в Париж, – добавил, вставая из-за стола, – будьте бдительны, мой старый друг!».

Раздался топот в коридоре, резко распахнулась дверь и в кабинет ворвались несколько вооружённых солдат во главе с Протасовым Гордеем Романовичем, человеком высокого роста, с русыми волосами и выбритыми висками, очень самолюбивый, реализующий свои амбиции хитростью и страхом, внушаемым окружающим. «Именем революции, вы обвиняетесь в измене новой власти и подлежите немедленному заключению в Петроградскую крепость!» – громко заявил Протасов. Волконский резко встал со стула и возмутился: «Как Вы смеете?!». Голицын взглянул на Волконского, движением глаз указал на приоткрытое окно. Оболенский повернулся прямо к Протасову: «Паскуда, клеветник!» – замахнулся на него рукой, препятствуя солдатам подойти к Волконскому.

Владимир Николаевич быстро оценил обстановку, в спешке положил документы в карман, быстро вышел в окно на карниз, держась за него руками, спрыгнул со второго этажа вниз на землю.

Глава 2 «Беглец»

Тем временем в кабинете солдаты схватили Оболенского и Голицына, а Протасов быстро подбежал к окну и крикнул караульным на входе дворца: «Задержать!». Волконский понял, что будет погоня и бросился дворами в направлении Екатерининского сквера, пробежав через него устремился к слегка приоткрытым чугунным воротам сада Аничкова дворца. Забежав во внутрь, остановился под прицелом караульного, тут же подбежали солдаты Протасова и окружили Волконского...

Вдруг из кустов посыпался град камней на солдат и караульного, те растерялись, прикрывая лица и головы. Воспользовавшись моментом, Волконский устремился вглубь сада. Раздался выстрел. Из кустов в разные стороны побежали дети. А Волконский уже затерялся во дворах...

В кабинете Владимира Николаевича разворачивались события. Протасов глядя в окно: «Вот ваша честность, бросил вас, а бежать ему некуда, – повернувшись к задержанным, – что ж, он сам сделал свой выбор, где быть застреленным. Но меня больше интересует, где мои бумаги?». Оболенский усмехнулся: «Сказать где?». «Ну, потрудитесь объясниться», – сказал Протасов подходя ближе к Оболенскому. Дмитрий Иванович не сдержался и плюнул в ноги Протасову. «Как низко вы пали, – заявил Протасов, – увести!».

Между тем Волконский, запыхавшись от бега, медленно брёл дворами. «Дядя Вова, сюда!» – воскликнул детский голос из дыры отодвинутого штакетника в заборе.

Нырнув в указанный лас, Владимир Николаевич увидел группу ребят в грязноватой одежде и чумазыми лицами. Попросту сказать, местные воришки, которым Волконский ещё при прежней службе помогал хлебом да деньгами, наставлял на правильный путь, а они, в свою очередь, иногда давали информацию, интересующую следствие.

Дети провели его в сарай, подали кружку воды. «Благодарю, – сказал Волконский, подметив, – а вы, однако, смелые ребята, не побоялись вооружённых солдат, можно было погибнуть. Такие воины и нужны своей Отчизне». Ребята гордо выправились, а на лицах заиграли улыбки. Владимир Николаевич продолжил: «Видите ли, я попал в непростую ситуацию и рассчитываю на вашу благосклонность, сейчас мне нужна другая, неприметная одежда и головной убор, взамен, конечно, на мою». «Не беспокойтесь, – воскликнул один из ребят, – за мной штаны». «Тогда я сюртук!» – подхватил другой. «Могу шляпой подсобить», – тихо сказал третий. Волконскому недолго пришлось ждать, скоро все вещи ему принесли.

«Примерьте», – сказал один из детей. Владимир Николаевич переоделся, всё было более или менее впору: «Мне пора. Сердечно рад вашему гостеприимству». «Да куда же Вы?! Отдохните!» – сказал один из них. Волконский со вздохом:

«Мне необходимо срочно покинуть город, отправиться далеко... Нужно спешить...».

Старший из ребят сказал: «Если Вам будет полезно, один довольно богатый старик из пригорода, сегодня вечером намеревается покинуть город на поезде. Вы сможете его узнать по... клетчатому пальто и ярко-синему шарфу. А паровоз будет... номер... подождите... да... Н2... 23..., точно! Н2 293». Волконский заинтересовался: «Финляндия значит?! Откуда у тебя такая информация?». «Разведка..., – выдохнул старший, – а Вам надо побыть здесь до вечера, да и когда стемнеет, то проще пройти до вокзала». Владимир Николаевич задумался и промолвил: «Верно мыслишь, попробую».

Глава 3 «Козни Протасова»

Протасов заключил под стражу Оболенского и Голицына, вернулся в Совнарком, обратился к заместителю председателя СНК товарищу Лаврентьеву Анатолию Степановичу, который с 1914 по 1916 годы находился на передовой в боях с германскими войсками. Те события оставили ему в память шрам на нижней губе от осколков. Он не просто знал, а лично был знаком с Голицыным, Оболенским и, конечно же, Волконским. Отзывался о них с большим почтением.

Будучи в прекрасном настроении Лаврентьев стоял у окна, когда зашёл Протасов и поприветствовал его. «Какими судьбами, Гордей Романович?» – повернул голову Лаврентьев с лёгкой улыбкой на губах.

«Провёл операцию и задержал изменников революции», – отрапортовал Протасов. «Ну прекрасно, и кому же пришла в голову такая безрассудная мысль?» – воскликнул Лаврентьев. «Голицын, Оболенский и... – прервался Протасов увидев, как меняется выражение лица Лаврентьева и добавил, – Волконский, который сбежал, не пытаясь даже защитить свою честь. Его ищут в городе», – закончил Протасов. Затем он продолжил: «Я займусь этим делом, так как Вы очень занятой человек, но мне будет нужна помощь, распорядитесь выделить мне людей». Лаврентьев в недоумении: «Хм... Закон... есть закон. Ну что ж... Займитесь этим де-

лом». Протасов покинул кабинет, оставив задумчивого Лаврентьева наедине со своими мыслями, который не мог поверить и осознать происходящее...

Когда Протасов вышел из кабинета к нему подошёл солдат, из людей лично ему доверенных и сказал: «Разрешите обратиться. Поиски Волконского продолжаются, но пока безрезультатно. Какие будут распоряжения?». Протасов, сквозь зубы: «Продолжать поиски, с его дома не снимать наблюдения, ему некуда деться. Он один... Исполнение докладывать мне. Я буду в крепости на допросе».

Глава 4 «Чужой среди своих»

Некоторое время спустя, когда начали сгущаться сумерки, Волконский сказал детям: «Всё. Пойду я!» – надев шляпу, вышел из сарая и направился к забору. «Дядь Вов!» – с грустью окликнул старший из детей. Волконский остановился, повернулся и увидел ребят, которые стояли по стойке «смирно» и отдавали ему честь. Ни слова не говоря, Владимир Николаевич отдал им честь, повернулся и молча покинул двор. Осторожно прошёл до трамвайной остановки «Гостиничный двор», дождался трамвая, сёл в него, надвинув шляпу на лоб, и поехал в сторону Финляндского вокзала. Не доезжая одной остановки, вышел из трамвая в целях безопасности, сливаясь с толпой, двинулся на вокзал.

В толпе на перроне осторожно наблюдал за происходящим. В рупор прозвучал голос о посадке на поезд «Петроград – Хельсинки», Волконский вышел на нужную платформу и медленно пошёл вдоль состава, разглядывая пассажиров. Немного пройдя, увидел седого человека в клетчатом пальто и синем шарфе. Подходя к нему, увидел недалеко патруль из вооружённых солдат. Посмотрев в их сторону, встретился взглядом с одним из них.

Пожилой господин разговаривал с двумя приятелями и услышал от приближающегося Волконского: «Простите, любезный!». Пожилой господин повернулся и сказал: «Слушаю

Вас, чем могу помочь? Вы никак господин генерал-прокурор?!».

«Мне нужна Ваша помощь, нужно срочно отправиться в Париж, в этом вынуждают обстоятельства, но у меня именно сейчас нет средств», – сказал Волконский. Взглянув на Волконского, господин заметил тревожность в его глазах, смотрящих вдоль перрона. Он быстро обернулся назад и увидел приближающийся вооружённый патруль: «Я полагаю это за Вами? Скажите, как Вы отнесётесь к помощи кочегару в его работе?» Волконский кивнул.

Господин продолжил: «Ступайте на паровоз, машинисту скажите, что вы от Луки Петровича. Поторопитесь, любезный». Волконский быстро растворился в толпе и направился в сторону паровоза. Патруль не заставил себя долго ждать и подошёл к господину, с которым разговаривал Волконский: «Возле Вас только что стоял человек, подскажите куда он пошёл?». «А в чём собственно дело?!» – сказал господин и продолжил, – он пошёл в сторону вокзала». «Это изменник революции», – ответил один из солдат и патруль развернулся к вокзалу.

Волконский забравшись в кабину паровоза, осмотрелся, но никого не увидел, направил свой взгляд на топку, а потом, повернувшись назад, разглядел перед собой большой, массивный силуэт человека, который протянул ему чёрную от угольной пыли руку: «Здрасьте, я Паша, то есть Павел. Машинист. А Вы?». Волконский удивлённо пожал руку и ска-

зал: «Владимир, я от Луки Петровича, помощник кочегара». «А-а-а... Знаем такого, слышь, Се-е-мён! К тебе тут помощник!» – воскликнул Павел. Возле топки появился человек с остатками угольной пыли на лице и одежде, проверявший тендер: «А, помощник. Это хорошо. Фартук вон бери и лопату, скажу, когда кидать...». Волконский облачился в фартук, раздался гудок, поезд тронулся, он облегчённо вздохнул.

Глава 5 «Допрос»

В богато обставленной квартире, в зале возле камина сидела женщина. Она часто вставала, подходила к окну, всматривалась в темноту ночи, кутаясь в шаль, и возвращалась назад. Так Валерия Сергеевна пыталась успокоить себя, но час от часу ей не становилось лучше, женское чуткое сердце подсказывало беду: муж до сих пор не вернулся домой...

В тускло освещенной камере, с довольно высоким потолком, пыльным столом, бликами на стенах от догорающей свечи, стоящей на столе, тишину нарушал постоянно капающий кран.

Дмитрий Иванович, полулёжа на кровати, обратил внимание на Александра Яковлевича, пристально смотрящего на купольный потолок, и спросил: «О чём Вы задумались, Александр Яковлевич?». «О Валерии Сергеевне, одна осталась... Боюсь, что наше задержание отразится на её безопасности», – ответил Голицын. «К сожалению, ничего утешительного я не могу Вам сказать», – задумчиво произнёс Оболенский.

В это время Протасов, прибыв в крепость, приказал охране привезти Оболенского и Голицына, а сам прошёл в каземат для допросов. Конвоиры, выполняя приказ, зашли в камеру, подняли заключённых, надели наручники и, ничего не объясняя, повели по длинному мрачному коридору. Кероси-

новые фонари лишь немного освещали путь. «Куда нас ведёте?» – спросил Оболенский, но конвоиры молчали.

Протасов удобно расположившись на стуле, ожидал прибытия заключённых. В каземате кроме него, находилось ещё два конвоира, стоявших возле двери по обе стороны.

И вот дверь распахнулась, в каземат ввели Оболенского и Голицына. Конвоир доложил: «Ваше приказание выполнено, заключённые доставлены!». Конвоиры вышли за дверь. «Присаживайтесь, господа, будьте как дома», – ухмыльнулся Протасов. Оболенский и Голицын продолжали стоять, с презрением смотрели на Протасова.

«Помогите им сесть. Что разучились, «всю жизнь» сидели в чистеньких кабинетах?!» – повысил голос Протасов. Охранники подошли к Оболенскому и Голицыну, подтолкнули их к стульям и силой усадили на них. «Вот так-то лучше, – сказал Протасов, – вернёмся к вопросу утра, где документы?».

Оболенский и Голицын промолчали. Протасов многозначительно взглянул на конвой. Один из них подошёл к заключённым и прикладом винтовки ударил с силой и злостью по спине одного, затем другого. Сдерживая боль, Оболенский и Голицын продолжали молчать. «Где документы?» – громко и гневно закричал Протасов, терпение его заканчивалось. Голицын усмехнулся, что ещё больше разозлило Протасова.

В дверь постучали, приоткрыли: «К Вам срочно!». Протасов разрешил войти. В каземат вошёл один из прибли-

жённных к нему солдат: «Разрешите, обратиться!». «Говори, – сказал Протасов, – что за срочность?». Солдат продолжил: «Один из патрулей на Финляндском вокзале заметил Волконского, но задержать не успел, тот исчез...». «Растяпы, ничего доверить нельзя, – Протасов задумался, тихо повторяя, – Финляндский, Финляндский..., Париж...». Протасов высокомерно улыбался: «Документы у него!». Голицын с Оболенским переглянулись и подскочили в попытке наброситься на Протасова.

В этот момент среагировал конвой, заключённых скрутили. Протасов цинично засмеялся. Голицын громко, яростно сказал: «Никакая ложь не сможет продолжаться долго. Наступит день, и ты заплатишь за всё...». «Ох, как наивно, – заметил Протасов, – уведите, кормить один раз в день».

Глава 6 «Финляндия»

На одной из станций, после продолжительного пути, Волконский вышел подышать на платформу. Ему было непривычно в обстановке жары, запаха от сгораемого угля, более того, руки натружено гудели. Ветерок обдал его вспотевшее лицо. Вдруг, он увидел Луку Петровича, шедшего в сторону паровоза и воскликнувшего, улыбаясь: «Ну как Вы, кочегар-помощник?».

Волконский улыбнулся: «Я Вам признателен, скажите, почему Вы мне помогли?». «Вы знаете, каждый проступок, как и каждое доброе дело, рождает новое будущее. Не простой у Вас выдался день», – сказал Лука Петрович.

На это Волконский ответил: «Сначала хотели арестовать, а то и пристрелить, обвиняя в измене. И всё это за несколько часов». «Понимаю, – ответил Лука Петрович, – наша жизнь может измениться моментально в одно лишь мгновение, как сгорающая искра, и порой это совсем нелегко. Думаю, Вам надо перейти в багажный вагон и отдохнуть». Лука Петрович дал распоряжение машинисту. Паша, высунувшись в окно, крикнул: «Владимир!» – помахал рукой.

Проснувшись ранним утром, Волконский взглянул в окно, до Хельсинки оставалась буквально минут пятнадцать. Умывшись, привёл себя в порядок и увидел, что по вагону к нему идёт Лука Петрович, который с ходу сказал: «Насколь-

ко мне известно, Вам нужно в Париж, советую отправиться в порт Германии Травемюнде города Любек, из которого по железной дороге Вы отправитесь прямо в Париж. Я считаю, что каждый труд должен быть справедливо оплачен, иначе это уже эксплуатация», – улыбаясь протягивал деньги Лука Петрович. Волконский протянул руку: «Я Вам обязан, Вы многое для меня сделали». «Надеюсь, – сказал Лука Петрович, – Вы добьётесь правосудия...»

Поезд остановился, Волконский вышел на перрон и отправился на вокзал, в кассе узнал, каким паромом добраться до Германии. Пройдя в буфет наскоро перекусил и вышел на привокзальную площадь. Невдалеке стояла группа извозчиков. Волконский подошёл к первому ближайшему к нему и сказал: «Порт Vuosaari!». Извозчик ответил: «За тридцать копеек, куда хотите довезу». Волконский уселся в повозку, экипаж тронулся.

Небо было затянуто облаками, начинался мелкий дождь. Владимир Николаевич с интересом разглядывал меняющийся пейзаж. Ехать пришлось довольно долго... «Гавань Vuosaari», – сказал извозчик. «Благодарю», – Волконский расплатился и пошёл в терминал. Покупая билет, узнал, что паром отправляется только вечером. Владимир Николаевич оплатил комнату отдыха, остался там до отправления парома.

Глава 7 «Патриотизм или измена»

Утром Протасов находился на рабочем месте в СНК, зазвонил телефон. Протасов снял трубку и услышал голос Лаврентьева: «Зайдите в мой кабинет, Гордей Романович». Протасов отправился к Лаврентьеву, тот сидел за столом и перебирал документы: «Проходите, – хмуро сказал он, – доложите, как обстоят дела с Волконским».

«Анатолий Степанович, – начал Протасов, – пока нет никакого продвижения, как «воду канул», но я работаю». «Продолжайте работать, – сказал Лаврентьев, – я на неделю отправляюсь в Выборг, с поручением Владимира Ильича».

Протасов обрадовано, но стараясь этого не показать: «Доброй дороги и скорейшего возвращения». «Благодарю, но к моему возвращению, надеюсь Волконский будет найден», – ответил Лаврентьев. «Конечно, обязуюсь найти», – отрапортовал Протасов. «Когда найдете Волконского, всех троих доставьте ко мне, – задумчиво, с лёгкой грустью сказал Лаврентьев, – хочу в глаза им посмотреть». Протасов отдал честь. «Свободны», – добавил Лаврентьев.

Протасов вышел и, не доходя до лестничного пролёта, встретил своего подручного солдата, который его дожидался. «Вот дурак, – Протасов был рассержен и недоволен происходящим в кабинете Лаврентьева, – увидеть он их захотел. Значит так, слушай – усиль наблюдение на всех желез-

нодорожных вокзалах и портах. Волконского поймать, обыскать, изъять документы и... расстрелять. Я знаю, он вернётся. С Оболенским и Голицыным сам решу вопрос. Всё понятно, уяснил?!». Вдвоём завернули на лестничную площадку, столкнувшись с солдатом: «Куда прёшь, смотреть надо лучше, – грубо сказал Протасов, – имя?!». Солдат ответил: «Иван Родионов, прошу простить, задумался». «Так и Родиону проглядишь, Иван», – Протасов пошёл дальше вниз по лестнице...

Проведя бессонную ночь в думах и смятении, Валерия Сергеевна решила позвонить другу семьи Лаврентьеву, надеясь, что он сможет ей помочь.

Она набрала номер Анатолия Степановича и, когда услышала его голос, сказала: «Анатолий Степанович, здравствуйте! Простите за беспокойство! Это я Голицына Валерия Сергеевна, мой муж вчера не вернулся со службы, и я очень беспокоюсь за него. Помогите мне!». «Видите ли, Валерия Сергеевна, – начал Лаврентьев, – есть одно крайне шокирующее обстоятельство, до выяснения которого, Ваш муж задержан и находится в Петроградской крепости». Валерия Сергеевна побледнела от услышанного. Лаврентьев, подбирая слова, продолжил: «Вы... Я... Мне сложно поверить в случившееся. Всё образуется. Он всегда был честным человеком. Думаю, Вам нужно находиться дома, ни к кому больше не обращайтесь в наше непростое время. Валерия Сергеевна, Вы меня слышите? Валерия Сергеевна...». «Я Вас поняла, –

тихим голосом сказала Валерия Сергеевна, – Благодарю!». Она положила трубку. У Лаврентьева остался неприятный осадок от разговора.

Глава 8 «Мы венчаны»

Валерия Сергеевна не могла смириться с арестом мужа и непонятной для неё позицией Лаврентьева, поэтому приняла решение: собрать продукты, некоторые вещи и отправиться прямо в Петроградскую крепость. Проживая недалеко от Владимирского проспекта, понимая, что путь до крепости не близок, наняла извозчика. Подъезжая к Иоанновскому мосту, забеспокоилась, но «взяла себя в руки», думая об Александре Яковлевиче. Проезжая далее через Иоанновские ворота, затем Петровские, у которых каждый раз показывала документы и объясняла цель поездки. Наконец экипаж остановился возле обер-офицерской гауптвахты. К карете вышел офицер, которому Валерия Сергеевна объяснила намерения своего визита, ожидая, что совсем скоро увидит своего мужа. «Пройдёмте со мной, уж если Вы тут», – сказал офицер и подал ей руку. Затем провёл в гостиную: «Прошу Вас подождать здесь, попробую Вам помочь». Офицер доложил начальнику гарнизона о некоем Голицыне Александре Яковлевиче и приехавшей к нему жене.

Начальник гарнизона не заставил себя долго ждать, в гостиной, глядя в глаза Валерии Сергеевне сказал: «Никаких свиданий, встреч не положено. Ваш муж предатель революции. Мы не принимаем посетителей, как Вас вообще пропустили?! И не надо давить на жалость, – повернулся к офице-

ру, – по таким пустякам меня больше не отвлекать, товарищ Орлов. Сообщите Протасову, это его люди, пусть сам занимается». Резко повернувшись, быстро ушёл. На глазах у Валерии Сергеевны навернулись слёзы. «Подождите!» – сказал Орлов и направился в другую комнату к аппарату. Как ни странно, Протасов ответил сразу.

«Гордей Романович, Вас беспокоит офицер гауптвахты Орлов, к заключённому Голицыну приехала его жена и просит свидание». «Что, что... Жена говорите... Так... Пришлю за ней машину, ждите!» – приказал Протасов.

Орлов поспешил к Валерии Сергеевне: «За Вами пришлют машину, Вас ожидает Протасов Гордей Романович. Это товарищ из Совнаркома». Валерия Сергеевна опешила: «Но для чего, простите?». «Думаю, там Вы найдёте ответы на все свои вопросы. Ждите здесь, я сообщу, когда за Вами приедет машина», – Орлов вышел из гостиной. Прошло чуть больше получаса, когда вновь появился Орлов: «Пройдёмте, я Вас провожу, машина стоит возле гауптвахты». Он вывел её из помещения, помог сесть в автомобиль и сказал: «Не теряйте надежду, прощайте!».

Поездка для Валерии Сергеевны была тревожной, она всё думала о событиях, случившихся с ней в этот день. Автомобиль подъехал к воротам Смольного института и остановился. Приближенный Протасова уже ждал его, он открыл дверь и сказал: «Выходите, следуйте за мной!».

Солдат постучал в кабинет: «Разрешите, доставлена жен-

щина по Вашему указанию». «Введите!» – сказал Протасов и отложил карту города, с которой работал. Валерия Сергеевна вошла в кабинет, остановилась возле двери. «Здра-авствуйте! Вы проходите, проходите... Присаживайтесь, – с льстивой улыбкой сказал Протасов и, повернувшись в сторону солдата продолжил, – свободен!». Протасов обратился к Валерии Сергеевне: «Да, я не представился, Гордей Романович Протасов, начальник государственной безопасности. А Вы?». Она ответила: «Голицына Валерия Сергеевна». «Вы уже ознакомились с архитектурой нашей крепости?! Надёжность – вот основополагающий фактор, никому не удавалось сбежать... Там находятся под стражей подлецы, лжецы, мерзавцы! – Протасов стоя произнёс столь длинную речь, присаживаясь, продолжил, – мне неприятно Вам сообщать, но один из них Ваш муж».

«Позвольте, – возразила Валерия Сергеевна, – мой муж честный человек». «Представьте себе, контрреволюционная деятельность! Заговор! – постучал пальцами по столу Протасов, – я, конечно, Вас понимаю, близкий человек... Да и о Вас не подумал... Теперь Вы понимаете, почему Вам не разрешили свидание?! Скажу больше, эти люди не меняются. Как ни прискорбно, но считаю Вам нужно забыть его».

Валерия Сергеевна слушала Протасова с отрешенным взглядом, погрузившись в воспоминания, перед ней промелькнули картины совместной жизни с мужем.

Протасов обратил внимание на её растерянность, подходя

всё ближе и ближе, сказал: «Ну, что же Вы?! У такой красивой женщины должно быть светлое будущее, – Протасов говорил спокойным, мягким голосом, – ведь Вы из высшего дворянского общества... А Ваш муж?! Безусловно... он был порядочным человеком и честно служил Отечеству, – подойдя сзади, плавно опустил руки на её плечи, – а кто он теперь?! Человек предавший честь и достоинство... Но из-за чего? – Протасов, чуть наклонившись к Валерии Сергеевне, снова продолжил бархатистым голосом, – позарился на государственное достояние». Валерия Сергеевна чувствовала его дыхание совсем рядом, Протасов всё говорил и говорил: «Лучшей жизни захотел, – его руки медленно опускались по её рукам, чуть касаясь груди, – не ценил он Вас».

Валерия Сергеевна, глубоко вздохнула, рассеянно ответила: «Мы венчаны под богом! – резко встала, – чтобы с ним не случилось, я приму его участь. А сейчас разрешите откланяться». «Валерия Сергеевна, Вас отвезут домой. Думаю, мы с Вами ещё встретимся», – с улыбкой сказал Протасов. «Благодарю, – ответила Голицына, – я сама доберусь домой». Выйдя из кабинета, у встречного служащего спросила, где находится кабинет Лаврентьева, тот ответил и добавил: «Товарища Лаврентьева сейчас нет на месте, я не могу знать, когда он появится».

Поздним вечером, Протасов приоткрыл ящик своего письменного стола, в котором находились различные папки, достал «Дело» Голицына Александра Яковлевича, которое

его интересовала, но мысли Протасова были направлены отнюдь не на него...

Глава 9 «Любек»

До посадки Волконскому удалось немного отдохнуть. Будучи уже на пароме, устроился в каюте и приготовился к длительному путешествию.

Шум моря и крик чаек доносился из приоткрытого окна каюты, всё это сопровождалось звуками и музыкой из ресторана, находившегося не так далеко от его каюты. Всё это сливалось в одну «симфонию» и действовало на Владимира Николаевича успокаивающе. Вечером следующего дня раздался гудок парома, извещающий о прибытии в порт Травемюнде.

После высадки с парома, Волконский заметил несколько моторных омнибусов и направился к ним, как и другие пассажиры, от которых услышал на какой маршрут ему следует попасть, чтобы добраться до железнодорожного вокзала города Любек.

Когда все места транспорта были заполнены, через некоторое время он отправился в путь.

Сидя у окна, Владимир Николаевич не переставал думать о скором приезде в Париж, а также о Голицыне и Оболенском. Как они там... в крепости. Живы ли... В раздумьях время пролетело быстро. Омнибус то опустошался, то заполнялся вновь...

Прибыв на вокзал, Владимир Николаевич прошёл в глав-

ный зал, ориентируясь по указателям, подошёл к нужной кассе и узнал, что поезд до Парижа отправляется самым ранним утром в четыре часа. Купив билет, он перекусил в буфете и решил дожидаться поезда в зале ожидания. Часы тянулись медленно и долго...

Иногда, отключаясь, засыпал, но силой заставлял себя бодрствовать и просыпался. В какой-то момент в зале всё оживилось. Волконский посмотрел на часы... Прозвучал голос дежурного о посадке. Волконский вышел на платформу. Кругом сновали пассажиры. Владимир Николаевич отыскал свой вагон и прошёл в своё купе. Некоторое время спустя поезд тронулся, оставалось ни много, ни мало десять часов до заветного Парижа.

Глава 10 «Искра»

Пополудни поезд прибыл на Восточный вокзал столицы Франции. Погода стояла ясная, небо безоблачное, небольшой ветерок освежил Волконского, который намеревался сразу отправиться в банк. Выходя из вокзала, проходя мимо клумбы, ограждённой железной оградкой, случайно зацепился и немного надорвал брючину понизу. Владимир Николаевич подумал: «Хорошее начало».

Осмотрелся вокруг. Он увидел извозчиков на другой стороне площади, пройдя через которую, оказался возле трёх магазинчиков, зазывающих к себе яркими названиями. Из книжного магазина вышла молодая женщина и, спускаясь по ступенькам, ненароком обронила платок. Волконский, заметив это, воскликнул: «Мадам, простите, Вы обронили платок!». Женщина быстро подняла платок и взглянула в сторону Волконского: «Благо...», – и осеклась. «Вы?!» – удивлённо воскликнул Владимир Николаевич, но женщина стала быстро удаляться от него в сторону довольно-таки густого сквера. «Постойте!» – крикнул Волконский и поспешил за ней.

Войдя в сквер не увидел её, но понял, что она где-то рядом: «Наталья Лукинична, я не причиню Вам вреда!» – громко крикнул Волконский и услышал в ответ: «И что же, прикажите мне верить Вам?!». Волконский не понял откуда

прозвучал голос.

«Вы здесь по мою душу?» – снова послышался её голос. «Совсем нет, не подозревайте меня в том, чего нет», – ответил Волконский. «Неужели в России всё настолько плохо, – добавила она, – без меня». Волконский повернулся назад, перед ним стояла Наталья Лукинична Ягужинская, рассматривая его. Это была известная марвихера, разыскиваемая в Российской империи. Самая талантливая и виртуозная карманница, способная выкрасть не только материальные ценности, но и нечто более глубокое...

В криминальных кругах известна по прозвищу «Искра»: блондинка с прямыми волосами, ниспадающими на чёрный салоп, из-под которого виднелось белое платье и несомненным её атрибутом, оберегающим руки, были чёрные, ажурные перчатки. На высказывания Ягужинской, Волконский ответил: «Относительно», – и приулыбнулся. «Я знаю, что Вы из Министерства юстиции, где же Ваши приспешники?» – заключила Ягужинская. Волконский выдохнул: «В Петрограде». «Не сердитесь, – продолжила Ягужинская, – но судя по Вашему внешнему виду, дела у Вас не очень хорошие, как и в Петрограде...». Она не много подумала, протянула ему руку и сказала: «Предлагаю начать наше знакомство сначала. Наталья!». Волконский с осторожностью протянул руку: «Владимир». «Предлагаю Вам пройти ко мне на мою квартиру, Вы, наверное, с дороги», – улыбалась Наталья. «Не могу отказать Вам. Я принимаю Ваше предложе-

ние», – Владимир Николаевич вскользь взглянул на рваную брючину. Ягужинская перехватила его взгляд: «Тогда пройдёмте».

В квартире, в которую его привела Наталья, было много книг и дорогих картин. Волконский подошёл к полкам с книгами: «У Вас богатая коллекция». Ягужинская ответила: «Я одна из поклонниц произведений Пушкина, – слегка улыбнулась, – а кого предпочитаете Вы?». «Достоевского», – твёрдо ответил Владимир Николаевич, рассматривая книги. «Прошу к столу, – пригласила Ягужинская, – лёгкий полдник нам не помешает».

Волконский объяснил ей некоторые детали, происшедших событий в Петрограде и заострил внимание на особом деле, здесь в Париже. Ягужинская была заинтересована: «Думаю, я смогу Вам помочь». «Неужели, – бросил реплику Волконский, – и чем же Вы мне можете помочь?». «Ну-у, хотя бы могу заняться Вашим внешним видом, – и дополнила, – но, скажем так, добро за добро», – улыбалась, глядя прямо в глаза Волконскому.

«Я так понимаю, что это будет касаться Вашего розыска? – отвечая взглядом, Волконский продолжил, – возможно что-то можно будет сделать... Я принимаю Ваше условие». Владимир Николаевич встал и протянул руку Ягужинской. Она ответила рукопожатием: «Скажите, Владимир, Вам есть куда идти и где остановиться?».

Волконский стал осмысливать сказанное и хотел было

дать отрицательный ответ, но Ягужинская опередила его: «Одна из комнат в Вашем распоряжении». Волконский был немного растерян, но улыбнулся и сказал: «Благодарю!». «Думаю, Вам нужно отдохнуть, чувствую завтра предстоит насыщенный день», – проговорила Наталья. «Вы правы», – ответил Волконский.

Глава 11 «Тайнство бытия»

Под вечер небо Петрограда затянуло тучами. Протасов постоянно думал о Валерии Сергеевне, его охватывало неистовое желание ощущать её рядом с собой, неоднократно, мысленно проводил рукой от шей и до самого низа... На протяжении последних дней он размышлял о встрече, обдумывал каждое слово, которое ему нужно будет сказать. Никого не известив, отправился на адрес Голицына Александра Яковлевича. Остановившись недалеко от арки закрытого дворика из четырёх жилых домов, оставил машину, дальше пошёл пешком. Нашёл нужный подъезд и определив по номеру квартиры третий этаж, поднялся по лестнице. Позвонил в дверь, замер в ожидании... Наступила тягостная тишина.

Но вот послышался скрежет засова. Дверь приоткрылась на цепочку. Валерия Сергеевна увидела в полумраке силуэт человека, которого на мгновении приняла за мужа, однако иллюзии её сразу рассеялась: «Гордей Романович, Вы?» – удивлённо произнесла Валерия Сергеевна. Протасов утвердительно кивнул головой и сказал: «Здравствуйте, Валерия Сергеевна!». «Чем я могу быть обязана в столь поздний час?» – спросила Валерия Сергеевна. «Речь пойдёт о Вашем муже. Позвольте войти?» – спросил разрешение Протасов. Валерия Сергеевна сняла дверную цепочку и пригласи-

ла Протасова в гостиную, предложила присесть: «Я Вас слушаю». «На что Вы готовы пойти ради своего мужа?» – Протасов сузил глаза. «На всё, что законно и не противоестественно», – ответила Валерия Сергеевна, присев на кресло. Протасов начал сдержанно: «У меня для Вас есть предложение, в связи с которым Вы, возможно, пересмотрите свои убеждения, – расслаблено откинулся на спинку дивана, снял фуражку, расстегнул шинель, – я смогу отпустить Вашего мужа, слово офицера, но при одном условии: эту ночь Вы проведёте со мной. Вы красивая женщина и Вы не должны жить в таком государстве... Где не работают законы. Я говорил Вам про светлое будущее, оно для Вас есть», – глаза Протасова блестели одержимостью, голос звучал решительно, с металлическими нотками.

«Что Вы себе позволяете? – Валерия Сергеевна резко встала с кресла, – немедленно покиньте мою квартиру!».

Протасов встал с дивана: «Не-е-е-т, если я поставил себе цель, я её добьюсь!» – медленно с широко раскрытыми руками, пошёл на Валерию Сергеевну.

Внезапное чувство страха охватила её, Валерия Сергеевна стала пятиться назад. Рука машинально перебирала предметы с рядом стоящего комода, чтобы защититься. Протасов ускорил шаг, оставались доли секунду схватить Валерию Сергеевну, но она быстро схватила статуэтку, ударила ею в голову Протасова, незамедлительно побежала в выходной двери...

Протасов закипел от боли и ярости, по виску текла кровь... Он бросился вслед за Валерией Сергеевной. В этот момент она в страхе, с трясущимися руками, пыталась открыть дверь... Протасов злобно закричал: «Ку-у-да?» – ловким движением руки вытащил из кобуры револьвер, направил в сторону шокированной Валерии Сергеевны...

Последний поворот ключа... Раздался выстрел... Руки Валерии Сергеевны перестали слушаться... Она медленно оседала на пол... А слёзы стекали по её щекам...

Протасов, выдохнув, пошатываясь, открыл дверь и вышел на улицу. Начался сильный дождь, капли которого, смешиваясь с кровью открытой раны Протасова стекали по лицу вниз... Добравшись до машины, судорожно завёл автомобиль, резко повернул руль и поехал в глубокую тьму Петрограда...

В Петроградской крепости, покоя спящего Голицына нарушила острая боль в сердце. Он резко сел, тяжело дыша, хотелось пить... Оболенский услышал глухой шум, подскочил, усевшись на кровати: «Александр Яковлевич, Вам плохо? – Оболенский быстро встал, налил в кружку воды из-под крана, принёс Голицыну, – вот, возьмите». Голицын сделал два глотка, ему стало легче. Оболенский спросил: «Кошмары мучают?». «Да нет, сам не пойму, что со мной: будто сердце моё замерло на какое-то мгновение от неясной тревоги».

«Мы не свободны, по всему это нас угнетает, – сказал Оболенский, – когда в комиссии служащий банка, напуган-

ный обстоятельствами национализации, передал мне расписку от имени Протасова на изъятие денег и номера счётов, нам нужно было быть более осмотрительными в решении этого дела, продумать свои действия, тогда, возможно, мы не попали бы в эту ситуацию и не ожидали своей участи, будучи арестованными, – не много подумав, Оболенский продолжил, – что было, то было... Может, не отвоевались мы с Вами ещё», – с улыбкой посмотрел в глаза Голицына...

Глава 12 «Банк»

Утром следующего дня, выйдя из комнаты, Волконский увидел накрытый стол и, стоящую возле окна Ягужинскую: «Утро доброе, как спалось на новом месте?» – она всё ещё продолжала смотреть в окно. «И Вам доброго утра, благодарю, я выспался», – ответил Волконский.

Наталья Лукинична отошла от окна, с лёгкой улыбкой предложила Владимиру Николаевичу завтрак. Сидя за столом Волконский поинтересовался: «Скажите, почему Вас прозвали искрой?».

«Искра, как Вы знаете, это мгновение. Вот смотрите, я сняла с пальца кольцо, видите?! Оно у меня в кулаке. Несколько манипуляций... Разжимаю кулак и что... Кольца нет! А где оно?! Как Вам мой чай?» – спросила Наталья. Волконский посмотрел в чашку, к его удивлению там лежало кольцо. «Фокус», – улыбалась Ягужинская... Волконский был потрясён. «В нашей жизни нужно быть виртуозом, – и дополнила с лёгкой, задумчивой грустью, – она может измениться в одно лишь мгновение и порой это совсем нелегко, так говорил мне мой отец в детстве, когда у меня что-то не получалось», – объяснила Наталья.

В миг она загорелась, посмотрев на часы: «Однако, нам уже пора!». «Извольте полюбопытствовать, что значит нам и куда?» – сказал Волконский. «К моей знакомой, поторо-

питесь, одевайтесь. Уверяю Вас, Вы не разочаруетесь!» – быстро, с воодушевлением, сказала Ягужинская. Волконский принял всё молча, но с интересом.

Немного пройдя по улице, Ягужинская взмахом руки, указала на роскошный магазин мужской одежды, пользовавшийся большой популярностью. Волконский прочитал название и не успев осмыслить, был схвачен за руку Натальей Лукиничной, которая потащила его к входу. «Одну минуту», – Наталья оставила Владимира Николаевича рассматривать одежду и пошла к своей знакомой. «О-ля-ля! Наташа! Какими судьбами? Кто это с тобой?! У тебя новая тактика? Однако, хорош собой!» – засыпала вопросами Наталью её знакомая.

«У тебя, наверняка, есть эффектный мужской костюм», – улыбнулась ласково Ягужинская. «Намёк поняла, долг платежом красен, осталось определить размер», – сказала знакомая. Она подобрала костюм с пиджаком в клетку, белоснежную рубашку, галстук и запонки, затем подошла к Владимиру Николаевичу и сказала: «Месье, примерьте!». Волконский взял одежду: «Благодарю», – взглянул на Ягужинскую, наблюдавшую за происходящим с улыбкой. Пошёл в примерочную.

Выйдя в новом костюме и при галстукке, Владимир Николаевич почувствовал восхищённые взгляды дам. «Вам очень идёт», – сказал знакомая вслух и шёпотом Ягужинской, – у тебя хороший вкус».

Будучи уже на улице Ягужинская начала: «Вы говорили про особое задание, куда теперь мы отправимся?». «В банк, – чётко сказал Владимир Николаевич, – в центральный банк Франции». «В банк?! А Вы знаете, как угодить благородной женщине!» – с кокетством сказал Наталья Лукинична. Волконский улыбнулся: «Нам нужен извозчик, прошу Вас, здесь недалеко», – предложил Ягужинской свою руку. «Ну, ведите!» – воскликнула Ягужинская.

Они ехали около часа. По прибытии на место, прошли в центральный зал, подошли к свободному операционисту, который после приветствия предложил им стулья. Волконский изложил суть вопроса и отдал документы. «Позвольте Ваше удостоверение. И немного подождите, пять минут буквально. Мне нужно сделать согласование», – операционист удалился. Время прошло с какой-то напряжённостью. Операционист вернулся: «Ознакомьтесь!». Всё, что нужно было Волконскому подтвердилось и было соответственно заверено банком...

Глава 13 «Мы другие...»

Ранним вечером, когда они вернулись на квартиру к Ягужинской, Волконский озвучил: «Завтра нужно возвращаться в Петроград».

«Мы с Вами публичные личности, для некоторых людей не в самом лучшем свете. Нужно продумать наше возвращение в Петроград», – сказала Ягужинская. «Наше?!» – удивлённо, и в тоже время радостно ответил Волконский. «Наше! – утвердительно кивнула Наталья, – я свои дела довожу до логического конца, Виктор... Захарович, – посмотрела на вазу, – Вазовский». Она смеялась, а он в недоумении смотрел на неё: «Что?». «Мы сделаем новые паспорта, возможно с пропиской, со штампом...», – сказала Наталья Лукинична.

«Хм-м, у Вас есть такие возможности, Валерия... Климовна, – посмотрел на чайник, – Кипяткова», – засмеялся Волконский. «Можете даже не сомневаться в моих возможностях», – она тоже смеялась.

Утром следующего дня. Раздался тихий стук. Дверь открылась, Волконский сидел за столом что-то писал и чертил. Ягужинская: «Вы уже при делах?! Любите рисовать? Доброе утро». Волконский, усмехнувшись: «Доброе, планирую, как нам сократить маршрут до Петрограда».

Наталья Лукинична, задумавшись: «Берлин, Варшава, Варшавский вокзал в Петрограде. Вот! Владимир, мне нуж-

но отлучиться по поводу новых документов. Может быть к моему приходу моя коллекция картин пополнится», – улыбнулась Ягужинская и ушла. Волконский ещё некоторое время продолжал работать.

Около полудня вернулась Наталья Лукинична. «Вот знакомьтесь, – сказала она, – протягивая новые паспорта». Волконский открыл паспорт: «И кто же я теперь? – прочитал, – Воротынский... А у Вас, значит...».

«Воротынская!» – воскликнула Ягужинская, достала из ридикюля чёрный парик и быстро надела на Волконского, который был вдвойне удивлён разворотом таких событий. В это время Наталья Лукинична надела на себя также чёрный парик: «Ну и... Кто это такая, эта Ягужинская?». «Блестяще, Вам надо отдать должное, – отреагировал Волконский, – пора собираться, мне бы небольшой чемодан для документов из банка». «Есть у меня где-то... Одну минуту...», – парировала Ягужинская.

Глава 14 «Петроград»

Вечером, будучи на Восточном вокзале, купив билеты, прошли на посадку. Точно по расписанию поезд тронулся в Берлин. В Берлине, затем в Варшаве всё складывалось удачно. «Наш поезд Варшава-Петроград отправляется в два часа пополудни, мы будем в Петрограде уже утром», – отметил Волконский.

Ранним утром в купе, по пути в Петроград: «Через час будем в столице, мне нужно в Совнарком, а Вас я пристрою в городе, в целях Вашей же безопасности», – сказал Волконский. «Вы, наверное, забыли, что риск – моя жизнь, я решительно против», – заявила Ягужинская. «Дело в том, – жёстко продолжил Волконский, – события могут развернуться не в нашу пользу. И тогда, если не заключение, то расстрел!». Ягужинская заявила: «Поэтому я иду с Вами, чтобы всё было в нашу пользу. И мой ответ окончательный!».

Волконский открывая газету: «Упрямая». «Я Вас прощаю, потому что Вы меня ещё не очень хорошо знаете», – сказала Ягужинская глядя в окно. Поезд начал замедлять ход. За окном медленно проплывали окраины Петрограда. Небо было пасмурное, шёл небольшой снежок. Через несколько минут поезд остановился на Варшавском вокзале. Выйдя из вагона: «Вашу руку, пожалуйста», – сказал Волконский, помогая Ягужинской выйти. Они пошли рядом, держась под руку,

сливаясь с толпой пассажиров. Наняв извозчика на привокзальной площади, отправились в Смольный институт, где и располагался Совнарком.

Глядя на падающий снег, горящие фонари, открывающиеся магазины, слыша цокот лошадиных копыт: «Скоро Рождество», – мечтательно заметила Ягужинская. Владимир Николаевич кивнул и задумался о чём-то о своём. После получасовой поездки, экипаж остановился возле центральных ворот Смольного института. Пассажиры вышли и направились к парадному входу. С каждым шагом напряжение у них усиливалось. Подойдя к караульному, Волконский протянул паспорта, после проверки которых, они вошли в здание.

Глава 15 «Правосудие»

В фойе Волконский осмотрелся, кругом стояли и сидели солдаты. Вдруг один из них, стал подходить всё ближе и ближе: «Вы к кому? Кто Вас вызывал?». «К товарищу Ленину! Нам срочно! – сказал Владимир Николаевич, – попрошу не задерживать!». Волконский и Ягужинская двинулись дальше... «Стоять! – крикнул солдат, – Гордей Романович!».

Солдат повернулся к Протасову, стоявшему возле окна, кивнул в сторону пары, которая остановилась. Протасов подошёл, осмотрел обоих, глядя в глаза Волконскому ехидно улыбаясь, сорвал парик с головы Волконского. Тот, в ту же секунду, оттолкнул Протасова. «Задержать!» – крикнул Протасов и засмеялся. Солдаты тут же окружили пару.

«Владимир Николаевич, – протянул Протасов, – какая смелость и одновременно глупость, заявиться сюда. А кто это рядом с Вами?! – подходит ближе к Ягужинской, рассматривая её, – Ягужинская Наталья, кажется, Лукинична... Не может быть». Протасов обратил внимание на небольшой чемодан в руках Волконского, который крепко сжимал его в своей руке. Протасов его выхватил, приоткрыл, вскользь просмотрел: «Документы». «Что здесь происходит?!» – Лаврентьев спускался в фойе по лестнице. Протасов быстро отдал чемодан своему доверенному солдату: «Быстро в мой кабинет!» – прошипел он.

«Всё», – сказала Ягужинская со вздохом. «Разойдись!» – протискиваясь среди солдат, сказал Лаврентьев и увидел парю.

«Анатолий Степанович, вы только взгляните, – Протасов указал на Волконского и Ягужинскую, – какая наглость, заявиться сюда, да ещё и с кем?! С воровкой!». Лаврентьев подошёл очень близко к Волконскому, глядя в глаза: «Ну что, изменник революции, говорите». В это время Протасов за его спиной продолжал наговаривать на Волконского. Владимир Николаевич, глядя в глаза Лаврентьеву, спокойным голос произнёс: «В кармане», – достаёт сложенные в несколько раз документы, протягивая их Лаврентьеву.

Анатолий Степанович, продолжая стоять перед Волконским, ознакомился с содержанием документов: «За клевету, за контрреволюционные действия, за нанесение материального ущерба государству... Арестовать Гордея Романовича Протасова. Немедленно!» – громко крикнул Лаврентьев. Солдаты замешкались, но затем выполнили команду. Протасов возмущался, кричал, обзывал всех последними словами. «Вы же положили документы в чемодан», – растерянно сказала Ягужинская. Волконский с лёгкой улыбкой: «Фокус». «Но что же тогда видел в чемодане Протасов?» – спросила Ягужинская. Владимир Николаевич ответил: «Картины...». Ягужинская улыбнулась.

Лаврентьев подошёл к Протасову: «Где же Ваша честь и достоинство?! Так считаете меня дураком?! Оскорбляете

честных людей, вот кому место в Трубецком бастионе, но, думаю, Вы там не задержитесь». «Ненавижу Вас всех», – прошипел Протасов. «Увести с глаз моих долой», – приказал Лаврентьев. «Анатолий Степанович, что прикажете делать с Ягужинской?» – спросил старший солдат. Лаврентьев подошёл к Ягужинской: «Наталья Лукинична, зная Ваше прошлое, я должен Вас арестовать, но к Вашему счастью или наоборот к несчастью, на сегодняшний день я не могу этого сделать: суды временно распущены и действует только революционный трибунал, по канонам которого, нарушение законности карается просто расстрелом. Я предлагаю Вам покинуть страну».

«Анатолий Степанович, я бы хотел с Вами поговорить», – сказал Волконский. «Я Вас слушаю, Владимир Николаевич», – ответил Лаврентьев. «Дело в том, – начал Владимир Николаевич, – что Наталья Лукинична оказала мне поддержку и помощь в деле возвращения огромных ценностей в наше государство, а значит оказала содействие революции». Лаврентьев задумался. Волконский продолжил, глядя в глаза Ягужинской: «Один мудрый человек в Финляндии изрёк мне следующее: каждый проступок, как и каждое доброе дело, рождает новое будущее...». У Ягужинской навернулись слёзы, но она молча сдержала себя.

Лаврентьев подал свой платок Ягужинской: «Её дело из картотеки в Вашем распоряжении и в Вашей власти», – добавил, повернувшись к Волконскому, который после его

слов отдал честь Лаврентьеву. Анатолий Степанович сказал:
«Благодарю за службу», – и отдал честь...

Эпилог

Этим же днём Оболенский, Голицын были освобождены из-под стражи... Валерия Сергеевна была найдена своей служанкой утром в незапертой квартире. Следствием было установлено: смерть произошла от рук Протасова, который к тому времени, уже был приговорён революционным трибуналом к расстрелу.

Голицын тяжело перенёс смерть супруги. Он знал, что его жена верила в идеалы Революции, также, как и он сам, поэтому отправился на фронт, чтобы отдать все силы на защиту её веры и завоеваний Революции. Лаврентьев Анатолий Степанович, после создания Красной Армии, примкнул к её командному составу для борьбы с «белым» движением. Ягужинская Наталья Лукинична покинула столицу, уехав в Финляндию...

После принятия ВЦИК «Положения о прокурорском надзоре», Оболенский и Волконский заняли соответствующие посты в Государственной прокуратуре.